

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ.
ФИЛОСОФИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Проза как философия:
Андрей Платонов

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-3-75-94
Оригинальная исследовательская статья
Original research paper

Утопия как свободомыслие у Платонова

С.С. Неретина

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье анализируются методы (формально-логический и диалектический), наложением которых друг на друга Андрей Платонов создает уникальный стиль изложения единственного полностью завершенного романа «Чевенгур», смысл которого в том, чтобы обнаружить способ построения утопического общества, коммунизма, который после пролетарской революции 1917 г. стал определять в качестве теории или возможного социального действия планетарную жизнь. Особая роль в прояснении этих методов принадлежит идее наблюдателя, или, как иногда называет его Платонов, надзирателя. В 20-е гг. XX в. эта идея разворачивалась интенсивно, она, с одной стороны, показывает функционирование некоего знания о мире, а с другой – через него как в зеркале отражаются проблемы, которые ставит человек, пытаясь по-новому решить собственные задачи. Наблюдатель – центр универсума, куда стекаются все информационные потоки; именно он оценивает внутреннюю и внешнюю свободу конструируемого события. Изначальная цель романа «Чевенгур» – показать метод построения коммунистической утопии, т.е. общества, которому в действительности не оказывается места. Только в этой ситуации отсутствия, по Платонову, наступает свободомыслие. Это парадоксальное утверждение рождено в убежденности, что не просто коммунизм – конец истории, но что сознание – именно и только исторично, а история именно такова, какой ее представили творцы коммунистической идеи Маркс и Ленин, – шествующей от одной формации к другой, способствующей «Обновлению Союзной Земли», поскольку «настала эпоха технических революций», отрицающая свободомыслие, но признающая «заботливую мысль об улучшении техники для жизни».

Ключевые слова: коммунизм, свобода, техника, революция, музыка, второстепенный человек, двойственность, мытарства разума, утопия, жизнь, смерть.

Неретина Светлана Сергеевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии РАН.

abaelardus@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-2063-062X>

Для цитирования: *Неретина С.С.* Утопия как свободомыслие у Платонова // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 3. С. 75–94.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-3-75-94

Platonov's Utopia as Freethinking

S.S. Neretina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the methods (formal-logical and dialectical), by the superposition of which Andrei Platonov creates a unique style of narration in his only fully completed novel *Chevengur*. The purpose of the writer is to discover a way to build a utopian society, which after the Russian proletarian revolution of 1917 began to define planetary life as a theory and possible social action. A special role in the clarification of these methods belongs to the concept of the observer, or, as Platonov sometimes calls him, the overseer. In the 1920s, this idea developed intensively. On the one hand, the concept of observer shows the functioning of a certain knowledge of the world, and, on the other hand, through it, as if in a mirror, the problems posed by a person in the course of the quest for new solutions are reflected. The observer is the center of the universe, where all information is collected, and it is the observer who evaluates the internal and external freedom of events construction. The original goal of the *Chevengur* novel is to show the method of building a communist utopia, that is, a society that really has no place in the world. According to Platonov, only in this situation of absence, freethinking is possible. This paradox was formed due to the conviction that not only communism is the end of history, but that consciousness is precisely and only historical, and the process of history is exactly as it was presented by the creators of the communist idea Marx and Lenin. The communist idea of history implies transitions from one economic formation to another, the renewal of “united Earth.” As “the era of technical revolutions has come,” the freedom of thought is denied, and “careful thought about technology improvement” is only recognized. Therefore, utopia is a way of freethinking.

Keywords: communism, freedom, technology, revolution, music, secondary person, duality, ordeals of the mind, utopia, life, death.

Svetlana S. Neretina – D.Sc. in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Department of Philosophical Problems in Social Sciences and Humanities, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

abaelardus@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-2063-062X>

For citation: Neretina S.S. (2020) Platonov's Utopia as Freethinking. *Russian Journal of Philosophical Sciences*= *Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 3, pp. 75–94. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-3-75-94

Введение. Двойственность как интенция

К тому времени, когда роман «Чевенгур» начал создаваться, коммунизм, или его первая стадия – социализм, уже повсюду определял жизнь планеты – в иных странах в качестве теории или несостоявшегося действия, а в России – в качестве провозглашенного нового строящегося общества. Что заставило Андрея Платонова, в то время искреннего поборника этой идеи, писать странную утопию – гибнущего желанного общества, прямо противостоящего мысли В.В. Маяковского, выраженной в стихотворении «Кузнецкстрой»? Собственно, содержание похожее, но вывод разный. «По небу тучи бегают, / дождями сумрак сжат, / под старую телегою / рабочие лежат / ...Свела промозглость корчею / – неважный мокр уют, / сидят впотьмах рабочие, / подмокший хлеб жуют» и т.д. Это – Маяковский, но то же есть и у Платонова, правда, без оптимистической ноты Маяковского: «Я знаю – город будет, / я знаю – саду цвезть, / когда такие люди в стране советской есть».

У Платонова наоборот: оптимистический настрой вначале – все идут строить коммунизм, затем забежали тучи, появился подмокший хлеб, а кончилось погибелью города Чевенгура – оплота коммунизма и его адептов.

Что за странная внутренняя интенция руководила Платоновым?¹

---

¹ Этот же вопрос интересовал и М.Ю. Михеева в статье «Сон, явь или утопия? Еще один комментарий к “Чевенгуру” Платонова» [Михеев 2001]. Михеев, размышляя о жанре «Чевенгура», предполагает, что «“Чевенгур” – это как бы “перевернутые” “Мертвые души”, где герой занят не авантюрой, в погоне за наживой, как Чичиков, а – “петляя, блуждая и путаясь, медленно движется к своей мечте”... Кстати сказать, и фамилия основного носителя утопического сознания в “Чевенгуре” Чепурного может быть воспринята как платоновский аналог или отклик на гоголевского

«Чевенгур» и «Кузнецкстрой» написаны почти в одно время: первый в 1926/27 – 1928 гг., второй – в 1929 г. Впрочем, первый писался и переписывался всю жизнь. Правильное название второго: «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка». Кто такой Хренов? Реальный человек, Иулиан Петрович, которого, как сообщает Варлам Шаламов, звали то Ульянов, то Ян (см.: [Шаламов 2005, 572–574]) и который, будучи директором Краматорского металлургического завода, восторженно рассказывал о нем и его строителях Маяковскому. Тот восхитился, результатом восхищения стало стихотворение. Томик Маяковского пропал у Хренова на одной из лагерных пересылок в 1937 г., куда он попал как «троцкист»: героическое строительство Кузнецка не уберегло. Но вот что делает время и со стихами, и с забытыми фамилиями – они превращаются в «менипповы сатиры». Ведь и фамилия Дванов, во-первых, не своя, а приемного отца, своей никто не знает, Дванов – человек, которого нет, то ли тот, то ли другой, но не он; во-вторых, фамилия выражает двойственность, коммунизм то ли будет, то ли нет – бабушка надвое сказала... М.Ю. Михеев написал: Дванов – «раздваивающийся, двойной, два Ивана» [Михеев 2001]. Это образ русского человека, как его определил Платонов: «русский – это человек двухстороннего действия: он может жить так и обратно и в обоих случаях остается цел» [Платонов 2019, 128]. Может, и ушедший в воду – в конце романа – Саша Дванов остался цел?

В чем смысл такой двойственности? Она угнетала Платонова. Он, сторонник революционных преобразований, писал так, будто был их противником. Его произведения, считал он, писались как бы против его воли и сознания, он словно бы начинал «ломать самому себе кости» [Стенограмма... 1989, 100]. Он вообще остро переживал эффект двойничества, словно вобрав в себя старый средневеково-христианский метод эквивокации, под которым понималось, что человек состоит из двух природ, являясь образом Бога и Его искажением. «Я не смотрю никогда в зеркало, и у меня нет фотографий» [Платонов 2000, 261], «человек – существо двойное – вот осно-

---

Чичикова (ср. распространенное в Тамбовской губ., согласно Далю, слово *чичик* = ‘модно, щегольски’ – которое легко соотнести с *чепуриться*, то есть ‘одеваться, наряжаться, прихорашиваться’) [Михеев 2001].

ва его психологии, двойное в смысле не двурушника, а, м. б., скорее анг<ела>-хранителя» [Платонов 2000, 108]. В создании этой двойственности участвуют все вещи: «завод делает два предмета: турбины и людей – квалифицированных и классово высокосознательных» [Платонов 2000, 58], к тому же Платонов отработывал научный метод и знал, что человек был вместе и субъект, и объект, он был автор своей жизни и наблюдатель за этой жизнью.

Идея наблюдателя (одного из них вполне в духе времени Платонов называет надзирателем) в 20-е годы XX в. разворачивалась очень интенсивно, она и сейчас важна для синергетики, для философии сложностного, модельного мира: с одной стороны, есть в наличии некое знание о структуре и функционировании мира, а с другой – в нем как в зеркале отражаются проблемы, которые мы ставим себе, пытаясь по-новому решить собственные задачи. Наблюдатель – как бы центр универсума, куда стекаются все информационные потоки, он может корректировать внутренний мир. Он должен находиться все время «в отношении вчувствования, всматривания, вслушивания», становясь одновременно и внутренним участником события, и внешним наблюдателем [Аршинов, Свирский 2016, 78–79]. Это написано сравнительно недавно, но уже девятью десятилетиями ранее Платонов писал: «... в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба – это видеть и быть свидетелем, но он (и вот отличие от современных исследователей: у них изменяет жизнь, у Платонова же. – С. Н.) без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует» [Платонов 2019, 141]. Платонов называет его «зрителем-швейцаром», который «наблюдает снаружи дальнейшие события», «мертвым братом человека», «евнухом души человека» [Платонов 2019, 141, 142]. Это значит: Платонов показывает (в отличие от наших современников) неизбежность наличия мертвого в живом, т.е. *неизбежность человеческих неудач*, иное видение жизни. Здесь и сейчас сложностность понимается как единство, Платонов наблюдает раздор внутри единства. Он оставляет проблему Александра Дванова, который хотел обнаружить собственное имя мира из него самого, нерешенной. В известном смысле смена аспекта была Платоновым предопределена.

Рабочие методы: способы применения

Вряд ли Платонов хотел развенчать коммунизм и саму идею коммунизма. Скорее он предлагает произвести опытную проверку двух «методов общественных работ». «Метод общественных работ» – это название статьи, опубликованной в журнале «Воронежская сельскохозяйственная жизнь» в 1925 г., т.е. за год до начала работы над «Чевенгуром». «Есть два метода подхода к явлениям практики: формально-логический и диалектический. Если стоять на точке зрения формально-логического метода, то общественные работы – абсурд, деятельность без результата (курсив мой. – С. Н.). В самом деле, налицо все антитехнические условия, требование примирения непримиримых по природе начал: безвестные, совершенно неквалифицированные рабочие массы, отсутствие в них элементов рабочей дисциплины, переменный состав рабочих, недостаток рабочего инструмента и инвентаря, крайняя срочность исполнения заданий (при их сложности)» и т.д. [Платонов 2004, 283]. К тому же «в условиях же советской действительности работы (их качество и необходимость) должны иметь и показное, образцовое значение для организации населения в нужном правительству направлении» [Платонов 2004, 283]. У Платонова здесь нет никакой иронии, но сколь ироничной кажется описание такой показухи в наше постсоветское время. «Формальная логика – это вещь умная, но ум-то ее дурак» [Платонов 2004, 283].

Другой метод – «живая диалектика», т.е. «перекрытие и заполнение всех ущербов и неувязок в принципах работ живой силой энергии людей и их организационно-техническое уменьье» [Платонов 2004, 284]. Метод диалектики – это «метод борьбы, где враждующие силы рассчитываются не по “массе” и не по “весу” (это не небесная механика тяготения), а по качеству и “цене” этих сил, по динамике их взаимного относительного движения». Диалектический метод – в «уменьье предвидеть обстановку завтрашнего дня и предрешить ее сегодня посредством удара всей наличной живой силой в решающее место, перестановив силы противника этим ударом так, чтобы была возможна победа и на послезавтра» [Платонов 2004, 284]. Таким завтра и послезавтра для Платонова были, например, изменение климата, строительство плотин, рытье каналов и размораживание восточной Сибири, для чего, по его подсчетам, понадобилось бы «два золотых миллиарда рублей. Это немного. Это экономически рентабельно» [Платонов 2004, 307].

(К моменту смерти Платонова в начале 1951 г. эта идея, как и идея поворота рек, была как никогда жива.) Но Платонов на этом основании делает вывод, что диалектика – «не жесткий закон, а руководство к правильной ориентации в любой обстановке». Называвший такие законы регулятивами А.П. Огурцов скорее всего с этим бы согласился [Огурцов 1998]. Ибо диалектика здесь рассматривается как «искусство, потому что обладает живым духом, а не наполнена прахом формул» [Платонов 2004, 284].

Главное в различении этих двух методов в том, что Платонов полагал опасным их смешивать: смешение вело к краху, к неясности, к двусмысленности. Вопрос в том, если основываться на статье «Об улучшении климата», не становилось ли мертвым и живое, не умерщвляло ли мертвое живое и не стало ли это понятным в конце концов ему самому. Светлана Семенова в предисловии к «Чевенгуру» назвала подобные опасения «мытарствами разума» [Платонов 2019, 5].

Наложение двух методов друг на друга образовывало и экзистенциальный, и стилистический перевертыш. Кажется, что уникальный язык Платонова образовался именно как наглядный результат такого смешения тогда, когда утомление связывается не с созидательным трудом, а с деструкцией²; когда количество убитых равно всему населению города³; когда меняются значения слов⁴; когда любят не воображаемое, но живое (Дульсинея Дон-Кихота), а изначально мертвое, как Роза Люксембург у Копенкина; когда глаголы употребляются с противоположным

---

² После расстрела буржуев, «когда чекисты, во избежание холма, разбросали лишнюю землю на освещенной зарею пустой площади, а затем воткнули лопаты и закурили, жены мертвых начали наступать на них изо всех улиц Чевенгура. – Плачьте! – сказали им чекисты и *пошли спать от утомления* (курсив мой. – С. Н.)» [Платонов 2019, 283].

³ «У Чепурного... начало болеть сердце от присутствия в городе густой мелкой буржуазии... Для коммунизма почва в Чевенгуре оказалась слишком узка и засорена имущими людьми... Чепурный... вызвал председателя чрезвычайки Пиюсю. – Очисти мне город от гнетущего элемента! – приказал Чепурный. – Можно, – послушался Пиюся. Он собрался перебить в Чевенгуре всех жителей» [Платонов 2019, 276].

⁴ «Цепи» из выражения «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей» стали означать «мертвеца», «ум обращается в живот», в свою противоположность, а «субъект-человек» становится или «ртом», или «массовым лицом», или «трудным» – там, где лицо было особенным (отец Александра в лодке-душегубке имел «трудное лицо») [Платонов 2019, 122].

значением⁵; когда изначальный гиперболизм передан через вторичный минимализм («великорусское», но «скромное небо светило над советской землей» [Платонов 2019, 181]), а обыденное выражение усиливало свое значение через определение или дополнение из другого семантического слоя. Известнейший штамп «глубокая ночь» превращался при таком наложении старой формы на новый содержательный ее статус в «глубокую революционную ночь» [Платонов 2019, 183], а «отдых» – в «отдых от угнетения» [Платонов 2019, 265]; когда меняется содержание всех базовых понятий⁶.

Все перечисленное и есть «мытарства разума».

Смысл романа заключается в художественном воплощении логического парадокса. Собственно в этом и сказывалась утопия как то, что не имеет места, ибо *скромное* небо над советской землей, где живет много народов, о чем постоянно напоминает Платонов, не может быть *великорусским* – нет такого неба, а отдых от угнетения меньше всего свидетельствует о смене занятий, как то предполагал Маяковский: «землю попашет, попишет стихи». Платонов полагал, что «мыслят свободно тогда, когда ничего, никакой цели не остается» [Платонов 2000, 71]. Это действительно парадоксальное утверждение, рожденное в убежденности, что не просто коммунизм – конец истории, но что сознание именно и только исторично и история именно такова, какой ее представили творцы коммунистической идеи Маркс и Ленин, – шествующей от одной формации к другой, способствующей «Обновлению Союзной Земли», поскольку «настала эпоха технических рево-

---

⁵ Глагол «думать» употребляет человек, не думающий и в момент произнесения этого слова, а глагол «умереть» тождествен «приходить» («Папа, – обращается Саша Дванов к мертвому, в могиле лежащему отцу, – я... скоро умру к тебе» [Платонов 2019, 59]).

⁶ Понятие «буржуй», например, замещается «пролетарием!» После расстрела буржуев председатель чрезвычайки Пиюся и председатель ревкома Чепурный «прощупали всех *буржуев* и не убедились в их окончательной смерти: некоторые как будто вздыхали, а другие имели чуть прикрытыми глаза и притворялись, чтобы ночью уползти и продолжать жить за счет Пиюси (который когда-то был каменщиком. – С. Н.) и прочих пролетариев; тогда Чепурный и Пиюся решили дополнительно застраховать буржуев от продления жизни: они подзарядили наганы и каждому лежащему имущему человеку – в последовательном порядке – прострелили сбоку горло – через железки. – Теперь наше дело покойнее! – отделавшись, высказался Чепурный. – *Бедней мертвеца нет пролетария на свете* (хотя убиты были буржуи! – С. Н.)» [Платонов 2019, 282–283].

люций» [Платонов 2004, 258]. Такая убежденность, отрицающая свободомыслие, но признающая «заботливую мысль об улучшении техники для жизни» [Платонов 2000, 152], естественно рождает вопрос, что же такое мысль сама по себе. Очевидно, что старый картезианский механистический запрос о мире соединился с марксистским экономическим материализмом, не нашедшим разрешения и приведшим к краху коммунистического конструирования в «Чевенгуре». Заметный перевес телесности над полетом свободной мысли привел к тому, что Платонов назвал «великой проблемой воробья»: семенен, свободен, дохнет в неволе, а летает по одному аршину. А нужна ему почти бесконечность» [Платонов 2000, 152].

Тяжесть чтения Платонова возникает оттого, что его мысль с трудом прорывается сквозь толщу вставших перед ним и казавшихся неразрешимыми проблем, связанных с отношением к оппозиции, к власти, к «полюемическому заезжательству» в области литературы («нельзя поддерживать Пильняков и Алексеев Толстых, Ахматовых и Ходасевичей» [Платонов 2000, 267]), к выпрямлению «идеологической линии» – и не находит выхода. Или находит выход в трагическом исходе. Прекрасно понимая происхождение одиночества «из силы сознания и сердца», Платонов в статье «Странствующий метафизик» объясняет трагедию одиночества – в полном единомыслии с многими утопистами и космистами – тем, что «человек есть орган общества и космоса, а не орган самого себя» [Платонов 2000, 240]. Метафизические понятия он считает «враждебными и малопонятными социалистически действующему обществу» [Платонов 2000, 240], одиночество – «абсурдом и безграмотностью» [Платонов 2000, 241], которое нуждается в замещении исследованиями физика и электротехника.

При этом Платонов, полагающий необходимым во «враждебную нам среду вселить тревогу, беса сомнения, показать им трагедию великого класса, расшибающего общество, и трагедию организованного, смертельно напряженного человечества, тонущего и погибающего в стихиях вселенной, работающего до разрыва мускулов, думающего до экстаза» [Платонов 2000, 240], вводит в желанный механистичный мир такую мощь свободы, что – ясно – его творческий мир насыщается именно ею, а сознание перестает быть «комплексом различных электромагнитных полей». Борьба титанов – Мира и Человека – причина гибели Чевенгура, уничтожающая не метафизику, а скучную механику бытия.

Возвращение к началу

«Чужой ум» книг не искоренял «пустоты» «неописанного и нерассказанного мира» [Платонов 2019, 92], более того, усердно учившийся Александр Дванов обладал поистине философской тягой к началу, к деятельной надежде услышать (подслушать, постичь) «не чужое имя» жизни, полученное из книг, а «его собственное имя вместо нарочно выдуманных прозваний» [Платонов 2019, 92], проявляя ту самую свободу, свойственную философии в поисках темного и неясного⁷. Его приемный отец, Захар Павлович, – человек другого даже не поколения, а представления, до всякой сути доходивший своим природным умом, без помощи книг, т.е. обладавший «умственным покоем», умевшим мысль додумывать и видеть ее жизненное воплощение, испытывал одно из серьезнейших философских понятий – время. И если для Саши оно представлялось линейным (движение «от... к»), ожиданием и предчувствием, то для Захара Павловича ни такого направления времени, ни понятия времени, ни самого времени, кроме привычного имени «время», не было. Он человека видел развернутым в простор жизни. В таком просторе жизнь и смерть даже не соседствуют, они – одно. Если для Саши мир начинался с прошлогодней, обнажившейся после февраля, мертвой, т.е. некогда живой травы, то для Захара Павловича первым был вечный ум. А «живое против ума прет». Он так резюмировал, когда огорчился, узнав, что «паровоз только что с завода пришел, а заклепки к черту! Никто ничего серьезного не знает» [Платонов 2019, 93]. Он был уверен,

---

⁷ Ср.: «Всякая наука (здесь и далее курсив мой. – С. Н.) есть достоверное и очевидное познание <...> обо всех вещах, о которых существуют правдоподобные мнения такого рода, мы, по-видимому, не в состоянии приобрести совершенное знание <...> так что, если мы правильно рассчитали, из уже открытых наук остаются только арифметика и геометрия, к которым нас приводит соблюдение этого правила, <...> они (арифметика и геометрия. – С. Н.) являются наиболее легкими и очевидными из всех наук и имеют предмет, который нам нужен», т.е. является *необходимым*. Но вот перелом рассуждения с появлением антитезы необходимости. «Умы многих людей сами собой скорее предаются другим искусствам или философии: ведь это случается, что каждый смелее дает себе свободу делать догадки о вещи темной, чем об очевидной», т.е. не опираться на достоверное и очевидное, арифметика и геометрия как несвободные науки противостоят свободе философии, ясность противостоит темной вещи философии, ибо «гораздо легче предполагать что-либо в каком угодно вопросе, нежели достигать самой истины в одном, каким бы легким он ни был» [Декарт 1989, 79–82].

что война происходит от действий власти, во главе которой стоят «умнейшие люди», ибо «обыкновенные люди всегда договорятся друг с другом» [Платонов 2019, 87]. Добра от «умной власти» ждать нельзя. Когда же в октябре началась революция, он поспешил «искать самую серьезную партию», рассудив, что «дураки власть берут, – может, хоть жизнь поумнеет» [Платонов 2019, 94]. Он выбрал коммунистическую (большевистскую) партию потому, что там, как ему показалось, говорят «ясно, четко, справедливо», почти по Декарту с его четкими и достоверными основаниями, к тому же объективно, т.е. «без всякого доверия», но, разобравшись, решил, что – умная или дурацкая – «всякая власть есть царство» и выступил за «сдельную жизнь», жизнь с делом, которому никто не мешает. Он называл это жизнью «без призора» [Платонов 2019, 97].

Речь не о противоположных или несовпадающих взглядах отца и сына, а о разрыве интеллектуальных связей, которые нельзя скрепить некими пропущенными логическими ходами: они думают в разных непересекающихся плоскостях или сферах мышления, Саша – где мысль временится и исчезает, а Захар Павлович видит (созерцает) ее непосредственность и правильность. Вопрос, возможен ли конструктивный диалог между непересекающимися мира, остается открытым, хотя оба персонажа об этом думают. Это – нерв романа: неоднозначное мышление. Но конец романа скорее дает отрицательный ответ, чем положительный. Он возвращает к началу: Саша ушел в озеро к отцу, а Захар Павлович пришел в Чевенгур в ожидании Саши. Начала и концы не сошлись. Диалога не случилось. Возможно в данном случае упование на начало мышления, как говорил Библер, «в самых исходных его определениях, даже в *зазоре* (в ничто...) между началом мысли и началом бытия», и при этом – «какая-то дикая уязвимость, невероятная беззащитность, неуверенность, сомнение... начнется абсолютное небытие» [Библер 1997, 71].

Для верующего в идею времени Саши революция была «концом света», началом рождения будущего мира как места встречи отцов, где не будет тревог у Захара Павловича, а «отец-рыбак найдет то, ради чего он своевольно утонул», т.е. обнаружит смертежизнь [Платонов 2019, 99], или продолжит прежнюю временную линию с исправленным содержанием: в этом «новом свете» не будет, к примеру, сиротства. Для созерцателя Захара Павловича мир свертывался в точку абсолютного

минимума и абсолютного максимума. Здесь очевидно предчувствие мира Иного.

Роман начинается с живой, как сказал бы его автор, диалектики. «Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов. Туда люди приходят жить прямо из природы. Появляется человек – с тем зорким и до грусти изможденным лицом, который все может починить и оборудовать, но сам прожил жизнь необорудованно. Любое изделие, от сковородки до будильника, не миновало на своем веку рук этого человека. Не отказывался он также подкидывать подметки, лить волчью дробь и штамповать поддельные медали для продажи на сельских старинных ярмарках... В зимние вечера он иногда делал ненужные вещи: башни из проволоки, корабли из кусков кровельного железа, клеил бумажные дирижабли и прочее исключительно для собственного удовольствия. Часто он даже задерживал чей-нибудь случайный заказ», ибо «занимался устройством деревянных часов, думая, что они должны ходить без завода – от вращения земли» [Платонов 2019, 37].

Речь идет о Захаре Павловиче, приемном отце раздвоенного Саши, о мастере, желавшем строить (делать, конструировать). Он точно знал внутреннюю силу жизни: люди не все выдумали, «природное вещество живет нетронутым руками» [Платонов 2019, 38]. Оно образует самого человека и его изображение.

Захар Павлович – мастер-философ, он умел удивляться. Он «удивлялся» [Платонов 2019, 38], т.е. открывался навстречу невероятному, можно сказать – чуду, если не придавать этому слову религиозный оттенок, когда «наливал в деревянную сковородку воды и достигал на медленном огне того, что вода кипела, а сковородка не горела». При всей близости терминов «удивление» и «любопытство», они отличаются друг от друга. «Удивление» отличается от «любопытства», которое допускает некое сущее в области темного, неясного, что – по Декарту – есть философия, тем, что оно способно обнаружить иное в явленном, известном сущем. Копенкин, например, советует людям, «радующимся своему разуму», «выдумать что-нибудь... неясное» [Платонов 2019, 175]. Жизнь. А Захар Павлович подходил к жизни с удивлением. Она была для него свободой, оксюмороном, сталкивающимся противоречием. Его, например, «удивило такое бессмысленное происшествие, что на полях хлеб давно умер, а на соломенных крышах изб зеленела рожь, овес, просо и шумела

лебеда» [Платонов 2019, 46]. Ему кажется (и Платонову кажется, достаточно прочитать его «Рождение мастера»), что цель коммунизма в овладении передовой техникой, которая требует любви и попечения, а он ее любил до одури, «многие устройства и предметы лично постиг в утекшие годы и мог их повторить в своих изделиях, если будет подходящий материал и инструменты» [Платонов 2019, 45]. Но воспринимал он это как смысл самой жизни, как постижение иного смысла жизни, лишаящего время временности. Это контрапункт жизни, и он – в отличие от рыбака Дмитрия Ивановича⁸, который имел «намерение пожить в смерти» [Платонов 2019, 42] (тоже оксюморон), – хотел пожить в жизни.

Разное время и разница во времени

Проблема времени в романе – одна из острейших. «Старики в Чевенгуре жили без памяти». Обычное представление – жизнь без памяти – это вечность, память – характеристика времени, достаточно посмотреть Аристотеля, Августина, Бергсона... У Платонова «без памяти» – третье состояние, как бы ничто, утопия-невместность. Но «если старики в Чевенгуре жили без памяти, то прочие и вовсе не понимали, как же им жить, когда ежеминутно может наступить второе пришествие» [Платонов 2019, 249]. Мгновение – эссенция времени, его напряжение, не длительность. Это проблема многовекового обмысливания, гётевские слова о мгновении стали афоризмом. Но для Платонова мгновение – не жизнь, но и не нежить. У него и память, и ее отсутствие имеют отношение не к времени/вечности, а к жизни, эксперимент со смертью проделан рыбаком не случайно – это не просто проверка-наблюдение за тем, как она, смерть, себя поведет в будущем, т.е. в жизни, а перенос самой проблемы времени/вечности на идею промежуточности, чем будут заниматься философы постмодерна. Платонов называет ее «между жизнью и смертью» [Платонов 2019, 42], к которой понятия времени/вечности не применимы, это можно назвать или «нулевым временем», или «ничто», если начала не будет. У Платонова не случайно через весь роман проходят образы рыбака и рыбки. Он называет рыбье состояние *премудростью*. «Рыба между жизнью и смертью стоит, оттого она и немая и глядит без выражения; телок ведь и тот думает, а рыба нет – она

⁸ Сашу, у которого три отца, можно назвать Александром Дмитриевичем лишь условно, три его отчества выражают изменчивость и временность жизни и ее проявлений.

все уже знает» [Платонов 2019, 42]. Беспамятные люди Платонова, не исключено, что те же рыбы.

Мы знаем, что понятия времени/вечности были введены Платоном для их дифференциации. Платонов же хочет от них отвязаться, как у Платона могли отвязаться корабли-мысли от причалов и уйти в свободное плавание. Он пишет о живых, хотя и беспамятных людях, одолеваемых мгновением, которое можно назвать сплюснутым временем, поскольку термин все же привязывается. Многие его персонажи, в том числе Саша, не имели в душе ни бога, ни умственного покоя.

Мгновение – это овладение всем, можно сказать, миром и его тайной, становление богом. Один из персонажей «Чевенгура» называл себя богом в то время, когда даже близкие к церкви люди «от частых богослужений» в бога не верили [Платонов 2019, 38]. В слободе Петропавловке человек, называвший себя богом, «мешаный», считал, что он все знал, и потому, видимо, как бог осуществлял «чистый акт» (без посредничества): «по своему убеждению он бросил пахоту и питался непосредственно почвой» [Платонов 2019, 123]. Он объяснял неверие людей в него как бога тем, что телесен: «Очами видят, руками щупают, а не верят» [Платонов 2019, 124]. В этом он видел прямое противоречие между верой в чувственную реальность, которая, на его взгляд, должна быть объектом веры именно потому, что она реальность, и той беспомощной верой в неведомо-невидимо-бестелесное. «Солнце признают, хотя не доставали его лично» [Платонов 2019, 124].

Это противоречие между двумя разными представлениями о вере проходит через роман: и Дванов, даже когда говорил «думаю», понимал под этим процессом «не мысль, а наслаждение от постоянного воображения любимых предметов» [Платонов 2019, 410]. Этими предметами были «голые жалкие туловища» чевенгурцев, которые он представлял «существом социализма». «Конец времени», «конец истории» представлялись как впадение в некое пространство «между», когда сохраняется возможность наблюдения и за этим концом, и за новым началом.

Не слабая проблема: попытка наблюдать то, что наблюдению не надлежит. Через некоторое время станут известны слова И.П. Павлова: «Академик Павлов занят – он умирает». Попытка заглянуть за предел без мифов, метафор, иллюзий, сновидений и лишних слов, вроде времени и вечности, основана только и исключительно на мгновении. «У хаты Поганкина бог оставил

Дванова и без прощания повернулся назад... Бог уходил, не выбирая дороги, – без шапки, в одном пиджаке и босой; пищей его была глина, а надеждой – мечта» [Платонов 2019, 124].

Экспериментальная попытка длится и по сей день. Бог – это попытка познать все, это попытка Сизифа удержат камень. Старая библейско-змеиная фраза «будете как боги» внедрялась в жизнь при социализме, понятом как конец света, о котором говорили, что он наступит «через год. Сегодня только учреждения занимаем» [Платонов 2019, 95].

До сих пор идут споры о том, как относился Платонов к Сталину и к советской власти в целом. Платонов художественно-теоретически показал реальность обожествления одиночного человека самим собою, а вождя – многими.

Утопия как преодоление идеологии

Но вернемся к проблеме двух методов: живой диалектики и формальной логики. Захар Павлович богом себя не называл. Он поставил себя в позицию начала жизни, овладев одним из существенных, таинственных ее оснований. Платонов приводит такой пример.

Захар Павлович (после похорон рыбака. – С. Н.) задумался и хотел уйти в босяки, но остался на месте... его остановили очередные изделия: староста ему дал чинить стенные часы, а священник настраивать рояль. Захар Павлович сроду никакой музыки не слышал – видел в уезде однажды граммофон, но его замучили мужики и он не играл: граммофон стоял в трактире, у ящика были поломаны стенки, чтобы видеть обман и того, кто там поет, а в мембрану вде-та штопальная игла. За настройкой рояля он просидел месяц, про-буя заунывные звуки и рассматривая механизм, вырабатывающий такую нежность. Захар Павлович ударял по клавише – грустное пе-ние поднималось и улетало; Захар Павлович смотрел вверх и ждал возвращения звука – слишком ли он хорош, чтобы бесследно рас-тратиться. Священнику надоело ждать настройки, и он сказал: «Ты, дядюшка... старайся дело приурочить к концу и не вникай в смысл тебе непотребного». Захар Павлович обиделся до корней свое-го мастерства и сделал в механизме секрет, который устранить мож-но в одну секунду, но обнаружить без особого знания нельзя. После поп еженедельно вызывал Захара Павловича: «Иди, друг, иди – опять тайнообразующая сила музыки пропала». Захар Павлович не для попа сделал секрет и не для того, чтобы самому часто ходить наслаж-даться музыкой: его растрогало противоположное – как устроено то

изделие, которое волнует любое сердце... для этого он и приладил свой секрет, способный вмешиваться в благозвучность и покрывать его завыванием. Когда после десяти починок Захар Павлович понял тайну смещения звуков и устройство дрожащей главной доски, он вынул из рояля секрет и навсегда перестал интересоваться звуками [Платонов 2019, 45].

Можно прокомментировать этот фрагмент так, как это сделала Т.Б. Любимова в статье «Эффект странности»: «Тайна музыки для него оказалась вне его мира, и он потерял всякий интерес к звукам» [Размышляя... 2019, 126]. Но можно и иначе. Во-первых, его изделия шли от природы и звуков, т.е. Захар Павлович как раз по природе был музыкален и знал существо музыки. Он и не пытался «ходить наслаждаться» такой музыкой. Когда его хотели в этом уличить, он оскорбился до «корней мастерства». Поэтому, во-вторых, музыка не могла остаться вне его мира, напротив, он ее преодолел, познав, как хороший музыкант, который, постигнув некий принцип, «забывает» о нотах и играет как бы сам собою. Он забыл о технике звучания потому, что проник в самую его тайну, став как бы «над» ним, как «тот, кто может», *potens* – было в средние века такое определение Сократа. Он, права Любимова, превзошел музыку как форму времени. Но превзошел ли он ее как момент творения, неведомо. Момент, *punctum*, не время – он принадлежит тому межеумочному состоянию, о котором нельзя сказать, музыка оно или слово. О. Мандельштам написал к этому времени «*Silentium*»: «Да обретут мои уста первоначальную немоту, / Как кристаллическую ноту, / Что от рождения чиста. / Остаься пеной, Афродита / И, слово, в музыку вернись, / И, сердце, сердца устыдись / С первоосновой жизни слито!»

То, что для Платонова музыка была важнейшим из искусств, очевидно. Мы выше ставили вопрос о соотношении механизма и свободы. Музыка была для него свободой, превыше любого конструирования. В статье «Симфония сознания (Этюды о духовной культуре современной Западной Европы)» он писал: «Какая песнь вырвется из груди того человечества, ставшего организмом, вместо механизма, строящего себе прочную обитель на периферии земного шара и запустившего руки и мысли глубоко в землю... к танцующим непойманным звездам. Из мертвееющей, пропахшей трупами России вырастает новая, венчающая его человечество и кончающая его цивилизация – штурм вселенной, вместо прежнего штурма человека человеком – *симфония сознания* (курсив

мой. – С. Н.)» [Платонов 2004, 226]. Это новая цивилизация – желанная утопия, она и есть тот идеал, к которому стремились желавшие общественного переустройства. Я подчеркиваю эту мысль вопреки мнению, что надо «выбросить утопию из головы; понять, что сама мечта о некоем счастье – утопия; что, руководясь ею, непременно придешь к умалению, а там и к истреблению человека. Нужно думать не о счастье, не о благом социальном устройстве... а просто-напросто об условиях, содействующих индивидуальному бытию». «Олеша, Заболоцкий, Платонов, в сущности, хилиасты по своим осознанным стремлениям, и весь исторический план (настоящее и грядущее мыслится ими как неуклонное исполнение коммунистических заветов. – С. Н.), хотя многовековая безрезультатная практика этих заветов могла бы навести на мысль об их фиктивности»; то, что «это не может быть реализованным, не приходило в голову, вымышленное поскорее хотели сделать действительным. (Чевенгур не реализован. – С. Н.)» [Мильдон 2006].

Вряд ли верно считать утопию и идеологию одним понятием, «позволяющим осмыслить возможность *ложного сознания*», как вряд ли верно, что отличие русского утопизма от западного состоит в том, что на Западе он так и остается в книгах, а в России – «долговременным опытом реконструкции жизни по книге». Утопия – не только мечта об идеальном обществе, это и проект жизни, вовсе не обязательно идеологический и не обязательно коммунистический. Забыть об этом, значит лишить мир жанра фантастики, отказаться от продуктивной способности воображения. К тому же не все социальные утопии оказывались нежизнеспособными. Так, «спецификой утопического сознания, и как следствие, утопической беллетристики в Америке является практическая ориентированность общества на реализацию идеальной модели. США восприняли европейскую традицию конструирования идеала, основным методом которого является инверсия, позволяющая в воображении одномоментно преодолеть существующее положение вещей и создать радикально отличающийся от него мир. Если идеалом европейских утопистов был эгалитаризм, то в американской утопии его место очень рано заняла идея справедливости, связанная не с равенством имущества и потребления, а с равенством возможностей. Поэтому роман Э. Беллами “Взгляд назад, 2000–1887”... не имея никаких литературных достоинств, в 1888 г. произвел революцию в общественном сознании не толь-

Филос. науки / Russ. J. Philos. Sci. 2020. 63(3) Проза как философия: Андрей Платонов
ко США, но и Европы, заложив ряд важнейших общественных трендов, прежде всего в сфере потребления» [Мартынов 2016].

Второстепенный человек как свободомыслящий

Кто же такой Захар Павлович, один из двух основных персонажей (второй – Прокофий Дванов), оставшийся жить после гибели Чевенгура?

Не исключено, что его скорее стоит отнести к тем, кого Платонов называл «второстепенными людьми». Зачем-то понадобилось ему выдумать писателя Николая Арсакова с его произведением «Второстепенные люди», якобы изданном в 1868 г. Книгу читал лесной надзиратель, «хранивший леса из любви к науке» и искавший в прошлом *подобия* советскому времени [Платонов 2019, 169]. Кроме того он хотел узнать «мучительную судьбу революции и найти исход для спасения своей семьи», считая к тому же, что «решающие жизнь истины существуют тайно в заброшенных книгах» [Платонов 2019, 170].

Наши библиотеки полны таких не востребуемых книг. Так мы выпрямляем нашу историю и забываем об истинных причинах событий и способах их произведения. Но именно в них застревает «самое смутное в уме и нечувствительное в сердце». Как считал надзиратель, «скучных книг нет... Скучные книги происходят от скучного читателя, ибо в книгах действует ищущая тоска читателя, а не умелость сочинителя» [Платонов 2019, 170]. Положим, от умелости тоже многое зависит, но читательский запрос, конечно, прорывает любую унылость письма и даже блеклость. Выдумка книги была Платонову необходима во время потрясений, когда все события понимались исключительно в стиле героических лозунгов и непререкаемости большевистской программы строительства социализма. Эта ширма позволяла Платонову напомнить об обыденной жизни, о том, «что только второстепенные люди делают медленную пользу» [Платонов 2019, 221].

Второстепенный – это номенклатурно нижестоящий, но вовсе не по интеллекту, знаниям или умению видеть последствия от каких-либо поспешных действий или решений. Такие люди, как полагает выдуманный писатель, в этом, и только в этом смысле *alter ego* Платонова, были противниками не только признаваемой теории деятельности, но деятельности как таковой, если она направлена на изменение мира и социальной действительности, в ходе которого происходит преобразование природы и становление человека

как деятельного субъекта, а объектом его деятельности становятся явления природы, которые осваиваются этим субъектом. «Мы теперь с тобой ведь не объекты, а субъекты», – сказал Гопнер Саше, когда речь пошла о том, что нужно губить друг для друга «хлеб и любое вещество, а не копить его» [Платонов 2019, 170]. По Арсакову же выходило, что «люди... очень рано почали действовать, мало поняв» [Платонов 2019, 170]. Вот и Гопнер, который себя и Сашу нарек субъектами, закончил свое высказывание словами «а субъекты, будь они прокляты» [Платонов 2019, 221].

Любопытно, что Арсаков, по желанию Платонова, написал свою книгу через год после выхода первого тома «Капитала» Маркса.

Захар Павлович весьма подходил по своим характеристикам под определение второстепенных людей. Именно потому, что долго думал, вглядываясь в корни своего мастерства, он выжил после всеобщего коммунистического краха.

Можно ли после этого говорить, что Платонов был проводником коммунистической идеи, как бы деятельно он ни содействовал его устроению?

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аршинов, Свирский 2016 – *Аршинов В.И., Свирский Я.И.* Сложностный мир и его наблюдатель. Часть 2 // *Философия науки и техники.* 2016. Т. 21. № 1. С. 78–91.

Библер 1997 – *Библер В.С.* Быть философом // *Библер В.С.* На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997.

Декарт 1989 – *Декарт Р.* Правила для руководства ума // *Декарт Р.* Соч. в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989.

Мартынов 2016 – *Мартынов Д.Е.* Две модели американской утопии (на примере произведений Э. Беллами и Р. Хайнлайна) // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки.* 2016. Т. 158. Кн. 1. С. 244–255.

Мильдон 2006 – *Мильдон В.И.* Санскрит во льдах, или возвращение из Офира. – М.: РОССПЭН, 2006.

Михеев 2001 – *Михеев М.Ю.* Сон, явь или утопия? Еще один комментарий к «Чевенгуру» Платонова // *Логос.* 2001. № 1. С. 55–86.

Шаламов 2005 – *Шаламов В.Т.* [О современниках] // *Шаламов В.Т.* Соч. в 6 т. Т. 4. – М.: Терра – Книжный клуб, 2005.

Огурцов 1998 – *Огурцов А.П.* Благо и истина: линии расхождения и схождения // *Благо и истина: классические и неклассические регулятивы* / отв. ред. А.П. Огурцов. – М.: ИФ РАН, 1998. С. 5–38.

Платонов 2000 – *Платонов А.П.* Записные книжки. Материалы к биографии. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000.

Платонов 2004 – Платонов А.П. Соч. Т. 1. 1918–1927. Кн. вторая. Статьи. – М.: ИМЛИ РАН, 2004.

Платонов 2019 – Платонов А.П. Чевенгур / вступ. ст. С. Семенов. – СПб.: Азбука, 2019.

Размышляя... 2019 – Размышляя о Платонове / отв. ред. С.А. Никольский. – М.: Голос, 2019.

Стенограмма... 1989 – Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова во Всероссийском союзе советских писателей 1 февраля 1932 года // Памир. 1989. № 6. С. 97–118.

REFERENCES

Arshinov V.I. & Svirsky Ya.I. (2016). Complexity World and Its Observer. *Philosophy of Science and Technology = Filosofia nauki i tekhniki*. Vol. 21, no. 1, pp. 78–91 (in Russian).

Bibler V.S. (1997) To Be a Philosopher. In: Bibler V.S. *On the Verge of the Logic of Culture. Book of Selected Essays*. Moscow: Russian Phenomenological Society (in Russian).

Descartes R. (1989) Rules for the Direction of the Mind. In: Descartes R. *Works in 2 Vols.* (Vol. 1). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Martynov D.E. (2016) Two Models of American Utopia (On the Example of the Works of E. Bellamy and R. Heinlein). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. Vol. 158, no. 1, pp. 244–255 (in Russian).

Mikheev M.Yu. (2001) Dream, Reality or Utopia. *Logos*. No 1, pp. 55–86 (in Russian).

Mil'don V.I. (2006) *Sanskrit in the Ice, or Return from Ophir*. Moscow: ROSSPEN, (in Russian).

Nickolsky S.A. (Ed.) (2019) *Meditating on Platonov*. Moscow: Golos (in Russian).

Ogurtsov A.P. (1998) Good and Truth: Lines of Divergence and Convergence. In: Ogurtsov A.P. (Ed.) *Good and Truth: Classic and Non-Classical Regulatives* (pp. 5–38). Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Platonov A.P. (2000). *Notebooks. Materials for the Biography*. Moscow: IMLI RAS, Naslediye (in Russian).

Platonov A.P. (2004). *Works. Vol. 1: Articles. 1918–1927* (Part 1). Moscow: IMLI RAS (in Russian).

Platonov A.P. (2019) *Chevengur*. Saint Petersburg: Azбука (in Russian).

Shalamov V.T. [About contemporaries]. In: Shalamov V.T. *Collected Works in 6 Vols.* (Vol. 4). Moscow: Terra – Knizhnyy klub (in Russian).

Transcript of Platonov's Creative Evening in the All-Russian Union of Soviet Writers on February 1, 1932 (1989). *Pamir*. No. 6, pp. 97–118 (in Russian).